

Анатолий Нутрихин

Мальчик из Тобольска

Повесть о детстве Д. И. Менделеева

Анатолий Нутрихин
Мальчик из Тобольска. Повесть
о детстве Д. И. Менделеева

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25438972

ISBN 9785448559624

Аннотация

Гимназист Митя Менделеев предстаёт перед читателем в окружении родных, знакомых, учителей, одноклассников, а также ссыльных декабристов. Автор рисует широкую панораму жизни Тобольска начала сороковых годов XIX столетия. Повесть пронизана любовью к Сибири, ее природе и людям. Занимательность сюжета добавляет дружба главного героя с мальчиком из народа, связанным с «лесными разбойниками». Повесть сопровождают неопубликованные ранее архивные документы. Книга адресована юным и взрослым читателям.

Содержание

От автора	5
Аремзянка	13
Разбойника поймали	25
День на исходе	32
Отец	35
Семейные радости и тревоги	38
Лес	43
В пути	53
Здравствуй, город!	61
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Мальчик из Тобольска
Повесть о детстве
Д. И. Менделеева

Анатолий Нутрихин

Редактор Наталья Нутрихина

© Анатолий Нутрихин, 2017

ISBN 978-5-4485-5962-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Эта книга о юном Мите Менделееве, его родных, друзьях, ссыльных декабристах, преподавателях и учащихся местной гимназии. В повести идёт речь о жизни Менделеевых в селе Верхние Аремзяны и губернском Тобольске сороковых годов XIX века, где прошли первые пятнадцать лет жизни гениального учёного и были заложены основы его личности. На склоне лет Дмитрий Иванович так вспоминал о своей жизни в Аремзянах: *«Там на стеклянном заводе, управляемом моею матушкою, получились первые мои впечатления от природы, от людей и от промышленных дел».*

Вашему вниманию предлагается второе издание моей повести «Жаворонок над полем», широко распространённой в интернете. Текст дается в новой редакции с привлечением исторического материала, сюжетными и стилистическими поправками. Плюс опубликованы архивные документы Тобольской классической гимназии, использованные при написании повести.

Биография Д. И. Менделеева заинтересовала меня ещё в конце семидесятых годов. Я работал тогда старшим литературным сотрудником редакции небольшой, но популярной ленинградской газеты «Телевидение. Радио», выступал со статьями и очерками в других средствах массовой информации, писал сценарии для городского радио. А однажды

у меня возникло желание поучаствовать в известной ленинградской серии «Выдающиеся деятели науки и культуры в Петербурге – Петрограде – Ленинграде».

Героем будущей книги стал Менделеев. Этот выбор во многом подсказан обстоятельствами моей жизни, первая половина которой протекала на Васильевском острове, в Биржевом переулке, в доме №1/10. Это здание было построено в 1842 году. В нём, в конце девятнадцатого столетия, арендовал квартиру художник Архип Иванович Куинджи. В гости к нему часто приходил профессор Дмитрий Иванович Менделеев, живший по соседству, в университете. Две знаменитости беседовали, играли в шахматы. С 1993 года в этой квартире находится музей Куинджи. В советское время она также была заселена живописцами: их влекло сюда наличие большой светлой студии, из которой открывается прекрасный вид на Неву и Петропавловскую крепость.

Помню, эта высокая мансарда не оставляла равнодушными и дворовых сорванцов. Подростками, мы взбирались на крышу мансарды, загорали и любовались окрестностями. Услышав ходьбу по кровле, мастер кисти вылезал из студии и, гневно бранясь, обращал в бегство нежеланных гостей.

О Менделееве в округе напоминает многое. С Биржевым переулком соседствует Менделеевская линия. Поблизости, в здании университета, находится мемориальная квартира самого Дмитрия Ивановича. Директором этого музея-архива с 1959 по 1972 год являлся мой одноклассник Саша Мака-

рения. Мы вместе окончили в 1948 году 38-ю мужскую школу Василеостровского района. Логично, что именно ему, ставшему к тому времени доктором химических наук, я предложил вместе писать книгу о жизни Менделеева на берегах Невы. Он согласился, и нами была подана заявка в краеведческую редакцию Лениздата. Александр Макареня был уже авторитетным менделееведом. Меня в этой редакции знали как журналиста, успешно выступившего в альманахе «Белые ночи» с очерком о князе Александре Невском. Договор с нами заключили. Началась работа над рукописью, рецензентом которой был Роман Борисович Добротин, новый директор менделеевского музея-архива.

В 1982 году книга «Менделеев в Петербурге» вышла в свет тиражом пятьдесят тысяч экземпляров. Её выход приветствовали во Всесоюзном химическом обществе имени Менделеева. Меня приняли тогда в его члены. С рассказом о нашем труде Александр Александрович и я выступили в Доме учёных, Технологическом институте и книжных магазинах. Интерес к личности Менделеева был большой. На встречах с читателями авторам задавали вопросы, благодарили за труд.

Особенно тепло встретили книгу на родине учёного, в Западной Сибири. Один из тогдашних руководителей Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника, заслуженный работник культуры РСФСР Владимир Николаевич Мельников – знатный краевед, участ-

ник Великой Отечественной войны – поблагодарил меня при встрече в Тобольске, а потом прислал в Ленинград набор открыток работы художницы Генриетты Бодровой – виды Тобольска – с автографом: *«Анатолию Ивановичу Нутрихину и Александру Александровичу Макарене. За труды Ваши о великом, удивительном Д. И. Менделееве. Спасибо.*

Искренне благодарный, В. Н. Мельников. 5 августа 1983 г.»

Наш труд похвалила известный тобольский краевед, Раиса Никифоровна Малышкина. Вот строки из её письма: *«Мне кажется, что книга в целом удалась, читается легко и будет полезна широкому кругу читателей. Я для себя нашла несколько интересных моментов, хотя и читала о Дмитрие Ивановиче уже немало. Благодарю Вас.*

Думаете ли Вы каким-то образом продолжить эту работу? 23 мая 1983 г.»

И я решил написать книгу о детстве Менделеева. В 1982 – 83 годах во время летних отпусков ездил в Западную Сибирь, набирался впечатлений. В разных архивах искал сведения о Д. И. Менделееве и его окружении. Ценные находки были сделаны в Тобольске, Тюмени и Омске. Я познакомился с неопубликованными тогда списками учащихся Тобольской гимназии и послужными данными преподавателей, читал историческую литературу, знакомился с местностью.

В Тобольск трудно не влюбиться. Богата его история, прекрасны его многочисленные храмы и другие архитектурные

памятники, интересно настоящее и перспективно будущее.

Впервые я увидел волшебную панораму этого старинного русского города в 1937 году с палубы пассажирского парохода. Речники везли на север, в село Берёзово, партию политических ссыльных, в которой были мои родители и я. Перед нами возникла ожившая сказка: на высоком крутом холме красовался белокаменный кремль с Софийско-Успенским собором, храмы, дома.

Тобольск напоминает мне Великий Устюг – родину моего отца. Иртыш похож на Северную Двину, река Сосьва – на Сухону. Суровую красоту Сибири я глубоко ощутил, посетив село Верхние Аремзяны, расположенное в тридцати километрах от Тобольска. Долго бродил по его кладбищу, отыскивая могилы старожилов. В селе Аремзянское в XVIII—XIX веках находились усадьба и стеклянный завод успешных и культурных предпринимателей Корнильевых – предков Менделеева по материнской линии. Здесь, на лоне деревенской жизни, среди лесов и полей, в общении с крестьянами и мастерами закладывались основы личности будущего гения мировой науки.

Писать о жизни Мити Менделеева в деревне мне отчасти помогало знание сельской жизни. Во время Великой Отечественной войны моя мама и я летом 1942 года были эвакуированы из Ленинграда в Саратовскую область. Два года мы жили в деревне Ольгино. Я трудился в огороде и в поле, научился запрягать лошадей, ездить верхом, косить, ловить

рыбу. В мирное время мне не раз довелось бывать в псковских деревнях Юхрино и Пистинская, где жили родственники матери.

Первый раз эта повесть – под названием «Жаворонок над полем» – была опубликована в Петербурге в 1996 году издательством «Четверг», в мягком переплёте, минимальным тиражом, при недостаточном редактировании и корректуре. Однако она оказалась востребована в сетях и за минувшие четверть века широко распространилась. Несколько экземпляров «Жаворонка» я сразу отправил тогда в Верхние Аремзяны. Многие жители этого села одобрили книжку. Ольга Бухарова – студентка Тобольского педагогического училища – прислала письмо, порадовавшее меня:

«Здравствуйте, Анатолий Иванович!

...Книги я получила и раздала адресатам. Они благодарили Вас, очень обрадовались... Книга была как раз вовремя. В феврале в школе проходил месячник Менделеева, и учителя пользовались Вашей книгой. Понравилось, что она написана просто и увлекательно, ученики слушали с интересом.

Жаль только, что переплёт книги плохой. От частого пользования она рассыпается. В библиотеке часто пользуются ею. Мне тоже было интересно читать книгу, находить знакомые деревни. Ведь я родилась в Потапове, а муж – в Заольховке... Если будет возможность, приезжайте в гости, окунитесь в атмосферу деревенской жизни, почувствуйте запах сена и парного молока...» О. Бухарова.

Трудясь над повестью, я вёл переписку с Бухаровой и узнал от неё немало интересного об этом селе. Огромное ей спасибо. Ныне Ольга Васильевна – директор Верхне-Аремзянской средней школы, краевед, историк и общественный деятель. Спасибо ей за полезные советы.

Я благодарен также за помощь заведующей отделом Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника Раисе Никифоровне Малышкиной, а также директору Тобольского филиала Областного госархива Надежде Павловне Чугуновой и заведующей читальным залом этого архива Тамаре Анатольевне Пановой.

После посещения Верхних Аремзян я пытался привлечь к их проблемам внимание властей и общественности. В газете «Тобольская правда» в декабре 1989 года была опубликована моя статья на эту тему. Потом я запросил редакцию: *«Получили ли вы ответ от горсовета и иных ведомств, имеющих отношение к затронутой проблеме? Каковы перспективы установки в Аремзянах какого-либо мемориального монумента (стелы, обелиска, памятника и т.п.) и открытия там музея (школьного, народного, филиала Тобольского краеведческого). Ведь решение об этом было принято несколько лет назад, когда в 1984 году отмечали 150-летие со дня рождения учёного.*

Если бы соответствующие учреждения позаботились о финансовой стороне дела (с привлечением руководства «Нефтехима» и общественности), то в научной организации

музея мог бы оказать большую помощь работающий сейчас в Тобольском педагогическом институте профессор Александр Александрович Макареня, который заведует там кафедрой химии».

С того времени минуло более тридцати лет. Течет река времени. В Верхних Аремзянах произошли заметные положительные перемены. Поставлен памятник Д. И. Менделееву работы тюменского скульптора Николая Васильевича Распопова. В новом, каменном здании школы открыт музей, посвященный великому учёному. К селению проложена асфальтовая дорога. Тобольский нефтехимический комбинат стал шефом Верхних Аремзян. К ним пролегли туристские маршруты.

Многое ещё предстоит сделать. Я мечтаю, чтобы Верхние Аремзяны стали мемориальным комплексом, посвящённым гениальному учёному Дмитрию Ивановичу Менделееву и замечательному писателю, педагогу Петру Павловичу Ершову. Чтобы сюда ехали, как в пушкинское Михайловское.

Аремзянка

Митя проснулся на зорьке. Его разбудила петушиная перекличка, звуки которой вливались в комнату через приоткрытую створку окна. Сначала в отдалении несмело, словно боясь нарушить утреннюю тишь, кукарекнул петух бабки Крайнихи. Вслед за ними протяжнее и бойчее прокричал кочет пастуха Ивана Соколова. Ему дружно ответили собратья с разных концов Аремзянского. И только потом басовито, словно дьякон тобольской Михайло-Архангельской церкви, грянул с переливом свой, менделеевский Оська, щеголь и забияка. В его надсадном кличе звучало:

– Хватит спать, поднимайтесь!

Брат Павлуша, двенадцатилетний крепыш (он на год старше Мити), ещё спит. «Ну и пусть, а я встану», – Митя сбрасывает лёгкий шерстяной плед; привычно, не глядя, суёт ноги в сандалии и поднимается.

Еще не размаявшись после сна, он неторопливо натягивает на худощавое загорелое тело светло-серую холстинковую рубашку и короткие, выше колен, бязевые выцветшие и обтрепавшиеся снизу штаны, на заднем, накладном кармане которых маменька вышила шёлком золотистый якорь. Одевшись, Митя набрасывает на плечо полотенце и, отворив чуть скрипнувшую дверь, выходит на заднее крыльцо. В лицо ему ударяет влажный холодок деревенского утра.

Ветра нет. В усадьбе Менделеевых, во всем селе, – тишина. Только замычит где-то корова, с притворной строгостью прикрикнет на неё хозяйка, да вдруг забрешут, зальются в лае неугомонные собаки. Курятся дымки над избами: бабы топят печи. Вздывается сизая струйка и над домом Менделеевых: кухарка готовит завтрак господской семье и прислуге.

Кончается июль 1845 года. Недолгое сибирское лето на исходе. Из леса доносятся выкрики кукушки. «Сколько лет я проживу?» – загадывает Митя. Словно откликаясь, птица сразу подала голос. Однако прокуковав десять раз, смолкла.

– Вот лентяйка! – подосадовал мальчик, но расстраивался недолго и вскоре забыл о скупой кукушке: стоило ли огорчаться по пустякам, если так легко дышится в это славное утро?

Над улицами, огородами, окрестным лугом стелется утренний туман. Белесым пологом нависает он над избами, в которых живут приписанные к стекольному заводу крестьяне; над господским домом, заводом и складскими амбарами, подступившими к самому краю яра. В мгlistой дымке растворяются очертания усадьбы, конюшни, хлевов, птичников, бань. В отдалении чуть угадывается колокольня новой деревянной церкви.

Молочная пелена тумана редет. «День обещает быть погожим», – думает Митя, заметив, что небо на востоке поро-

зовело. Ещё немного, и сквозь туман проглянет солнце...

Мальчик спустился с крыльца и по влажной от росы тропе прошёл к забору. Там на столбиках прикреплены два медных умывальника. Нажмёшь на носик сложенными лодочкой ладонями, и польётся бодрящая, остудившаяся за ночь вода...

Умывшись, Митя вернулся в дом. В детской комнате перед настенным, чуть потускневшим от времени зеркалом, он, не спеша, расчесал отросшие почти до плеч выгоревшие за лето волосы. Вместо природной рыжеватости они обрели цвет свежей соломы. Увы, красоваться такой гривой осталось недолго: перед началом занятий в гимназии придётся навестить парикмахера.

Митя приглаживает рукой волосы и задумывается: симпатичен ли он. Из овала зеркала на него с иронией смотрит скуластый мальчишка с чуточку раскосыми глазами и простецким носом «уточкой». «Я определенно дурен», – таков огорчительный итог его размышлений. Однако Митя тут же утешается, вспомнив слова сестры Лизы: «Внешность в мужчине не главное, важнее ум и характер!» Всё это у Мити есть: думает он, а вновь обретает благодушие. Причина приподнятого настроения проста: кончаются каникулы. Через неделю маменька, Мария Дмитриевна, повезёт его и Пашу в Тобольск продолжить учёбу в гимназии. 1 сентября 1845 года Митя пойдёт в четвёртый класс, брат – в пятый.

Как быстро пролетело лето! Отгремели грозы, отшумели грибные дожди. Отщелкали в садах веселые чечётки. В лесу

поспела костяника. Уже можно взять лукошко и идти с крестьянскими ребяташками за ягодами. Хорошо летом в деревне! Однако жить здесь уже прискучило. Поистине, человек никогда не бывает доволен. Ведь летом не надо учиться, корпеть над домашними заданиями. Знай себе: бегай с приятелями в лес и на реку!

Возле самого села, под яром, вьётся в зарослях ив Аремзянка, тихо несёт свои воды в Иртыш. Неглубокая речка, но водятся в ней серебристые чебаки, окуньки, караси. Вглядишься в воду и заметишь, как мелькают на песчаном дне стремительные рыбы тени. Берега Аремзянки так заросли, что к речке не сразу проберёшься: стеной стоят деревья и кусты. Ловят ребята обычно там, где речка вырывается из чащи на простор, пересекает луг, скапливается перед плотиной у мельницы. Мальчишки нарезают охапки длинного гибкого ивняка и плетут из него гладкие прочные корзины.

Этому нехитрому ремеслу научил белый, как лунь, дед Никодим. Корзинки детвора ставит у берега или вовсе перегораживает ими Аремзянку. Двое босоногих ловцов, закатав штанины, а то и сбросив порты, лезут в речку и гонят рыбёшку вниз по течению, шуруя палками под береговыми обрывами, корягами и камнями. Рыба в страхе удирает, и часть её заплывает в ловушки.

Плетёнки выворачивают на берег, и вот уже трепыхаются в траве караси, плотвички, пескари и прочая мелочь. Изредка залетают в ловушки и щуки. Брать их надо осторож-

но. Иначе зубастая хищница вцепится в палец и придётся пасть ножом разжимать... Однако крупных щук ловят нынче в Аремзянке редко: разрослось село, люди распугали рыбу. Не то, что в те времена, когда дед Никодим был ещё мальчишкой. Теперь хочешь поймать большую щуку – ступай на Рябовку, Сосновку или иные дальние речки. Там, в трудно проходимых зарослях дремлют щуки – по локоть! Фунтов на пять-шесть. Попадаются большие окуни, гальяны. А на ущицу поймаешь и возле дома...

Хороша в деревне рыбалка! Ещё приятнее поездки в ночное. Поздним вечером замирает улица. Давно пригнали стадо. Не слышны удары тугих струек молока в позванивающие стенки подойников: хозяйки уже заперли бурёнок и звёздочек в хлевах. Где-то волнующе затренькала балалайка. Ей вторит ещё одна: это парни выманивают девушек на гулянье за околицу, в хоровод.

Возле менделеевского дома – стук лошадиных копыт, голоса:

– Паша, Митя, в ночное едете? – подскакав на лошади к самому окну, бойко, но не без учтивости, спрашивает один из верховых, Петька Шишов – правнук Никодима.

Плечистый вихрастый, он привычно восседает на неосёдланной кобылке. Она пританцовывает, и всаднику приходится натягивать поводья. С Петькой, тоже верхами, его дружки: долговязый рыжий Ганька Мальцев и Ванятка Вакарин, семилетний шустрик, которого приятели подсаживают на кон-

скую спину, самому ещё не взобраться.

– Маменька! Отпусти в ночное... – умоляют в два голоса Марию Дмитриевну Паша и Митя.

Мать на мгновение задумывается. По выражению её стареющего, но ещё красивого лица нетрудно догадаться: она колеблется. Конечно, сыновья уверенно держатся в седле. Все-таки беспокойно за них. И не без причины: в шесть лет Митя свалился с лошади – вывихнул руку в плече. Пришлось два месяца водить его в Тобольске к доктору Дьякову на массаж. Всё обошлось, а сколько переживали родители?

– Ну, пожалуйста, – настаивает Митя.

И Мария Дмитриевна соглашается:

– Езжайте, пострелы. Только осторожнее, ради бога. Ты, Пётр, за ними присмотри...

Петька Шишов солидно кивает, мол, не сомневайся, барыня, всё будет хорошо. Ганька подводит к крыльцу двух менделеевских саврасых, протягивает братьям поводья. Мария Дмитриевна торопливо скрывается в доме и выносит сыновьям сумку с наспех собранной едой. Шишов ударяет пятками в кобыльи бока, и лошадь трогается с места. За Петькой следуют остальные. Кавалькада чинно едет за околицу.

Но вот село позади. Юные всадники громко перекликаются. Кони уже рысят, стучат копыта в дорожную твердь. Митя воображает себя лихим гусаром. Ветер упруго дует ему в лицо, треплет волосы. Грудь мальчика вбирает прохладный воздух, насыщенный ароматами трав. Впереди тёмный зага-

дочный простор. Возникает ощущение полёта. В такие минуты влюбляешься в верховую езду на всю жизнь...

Вот и дуг. Отава – мягкая молодая трава – устилает его зелёным ковром. Петька и Ганька спешили и ловко стреноживают лошадей. Остальные мальчишки собирают хворост в прибрежных кустах, разжигают костёр. Валежник дымит, подсыхая. Наконец пламя набирает силу. Из мрака тянутся к нему любопытные добрые конские головы. Мальчишки дают лошадям ломти хлеба, и те берут его влажными бархатными губами.

Пора позаботиться и о себе. Ребята закапывают в горячую золу картофелины и через некоторое время выкатывают их прутиками. Почерневшие, слегка обуглившиеся картофелины остужают, чистят и едят с хлебом и солёными огурцами. Наконец животы туги, словно барабаны.

Ганька негромким голосом заводит сказку про водяного и русалку. Поначалу его внимательно слушают, но Ванятка вскоре засыпает, тихонько посвистывая носом. А через десяток минут ровный Ганькин говорок погружает в дрему и остальных.

– Эдак, ребята, мы сейчас все уснём, – ворчит Петя. – Лучше спнём...

И он тут же затягивает частушку, услышанную от взрослых парней:

Где-то рядом выстрел дали,

По реке пошёл туман.
Что головушку повесил,
Наш отважный атаман?
Из лесочка выстрел дали,
Милочка заплакала,
На мою белу рубашку
Кровушка закапала...

Петька знает пропасть бойких песенок и складывает их в одну бесконечную. Митя завидует его цепкой памяти, хотя и сам знает не один десяток частушек.

Голоса разносятся над ночным лугом. Проснулся Ваня. Поёт уже не один Петька, а все. Но азарт постепенно певцов ослабеваает. Ночь настраивает на покой, и задор уступает место мечтательности, даже грусти. Ганька заводит песню о казачке, который возвращался издалёка в родные края, мечтая увидеть жену. Приезжает он в село, а казачка ему изменила, «другому сердце отдала». Переживает муж, мальчишкам его жаль.

– Не раскисать! – командует Петька.

Лукаво окинув взглядом ватагу, он предлагает потешиться в загадки. Остальные соглашаются, и Шишов продолжает:

– Братцы, смекайте. Кто сообразит первым, даёт остальным по щелчку. Играть безотказно и без обмана. Слушайте: два стоят, два лежат, пята ходит, шеста водит, седьма поворачивает?

Митя торопливо перебирает в уме возможные ответы

и выпаливает:

– Мельница!

– Нет.

– Телега, – неуверенно произносит Паша. Он смущен собственной несообразительностью, все-таки гимназист...

– Туго отгадываете, сударики, – торжествует Петька.

– Ответ нехитрый – дверь!

Проигравшие подставляют лбы, и Шишов бьёт старательно и щадит только Ванятку.

Надоедают и загадки. Мальчики засыпают на охапках сена из смётанных на лугу копен. У гаснущего костра – один Шишов. Время от времени он подбрасывает в огонь сучья, и те вспыхивают, посылая в небо густые жёлтые искры.

Ночь кажется Петьке бесконечной. Наконец он тормошит Митю, и уже новый сторож заботится о костре и табуне. Шишов прижимается к теплему боку Ванятки и засыпает.

Мите зябко. Он кидает и кидает в костер сучья. Над головой небо, усыпанное мерцающими точками звёзд. Где предел вселенной? Астрономы проникли в тайны природы, но и им не всё ведомо... Между тем, мириады небесных светил тают: скоро наступит утро. Да, хороши поездки в ночное!

...Митя вспомнил бы и другие приятности летней жизни в Аремзянском и ещё постоял на крыльце, созерцая благодатную картину деревенского утра, но заморосил дождь. Пришлось податься в сени и оттуда, из глубины дома, наблюдать, как набирают силу косые блестящие струи. Бойко зака-

пало с крыши. От крыльца по тропинке потекла под уклон вода...

Дождило недолго, и небо прояснилось. В ближнем лесу ожил птичий пересвист. Ветер вновь заиграл ветвями кедров, елей, берёз... Ему есть, где разгуляться: тайга окружает село, словно море островок. В лесной глухомани бродят медведи и волки. Ни раз, собирая ягоды и грибы, Митя наткался на величавых лосей, неспешно удалявшихся в чащу.

Двигайся без лишнего шума и, возможно, увидишь в лесу бурундука, белку-летягу или труженика дятла. Наступишь на сухой сук – обнаружишь себя. И застрекочет бдительная сорока, взбаламутит лесную живность, которая затаится.

У обитателей леса своя жизнь, повадки, у сельчан – свои. Аремзяне – народ спокойный, покладистый. В повседневности держатся дедовских обычаев и навыков. От отцов научились пахать, сеять, жать, косить, порядок в семье блюсти. Живут не хуже, чем в соседних деревнях. Даже лучше: в их селе есть стекольный завод (его и фабрикой называют). В летнюю пору крестьяне с раннего утра до позднего вечера – в лугах, в поле, на огороде. На заводе в страдную пору больше трудятся вольнонаёмные работники. Мастера изготавливают чаши и блюдца, тарелки и вазы, бутылки и рюмки, штофы и стаканы. Всего не перечеть.

Братьям Менделеевым любопытно, как из простой белой глины и кварцевого песка делают чудесные вещи. Паша и Митя часто ходят в гончарную мастерскую и в «гуту». Так

называется сарай, где установлена стеклоплавильная печь. Если рабочие устали или у них что-нибудь не ладится, то они прогонят незваных гостей. А в добром настроении – пошутят и на вопросы ответят. Иван Павлович в свободную минуту сам ведёт сыновей к печам, знакомит их с процессом производства.

– Дело у мастеров, на первый взгляд, нехитрое, – говорит он. – Плавь песок, добавляй соду, красители... А нужны годы, чтобы из новичка стеклодув получился. К жаре надо привыкнуть и глазомер отточить. А главное – почувствовать, что стекло – живое. Вот Маршанов чует...

У Сергея Маршанова – крупного сорокалетнего мужика – рубаха меж лопаток потемнела от пота. Влажно блестит лоб, перехваченный ремешком. Стеклодув ловко ставит на горелку тяжёлую посудину. Вскоре в ней клокочет расплавленная масса.

– Берегись! – остерегает Маршанов мальчиков и жестом велит посторониться.

Он берёт железную трубку и, округляя щеки, выдувает прозрачный дышащий шар, придаёт ему форму графина. И какого красивого! Однако Сергей морщится: он недоволен и отдаёт графин помощнику, который кладёт его в ларь для отходов, который уже полон кусков спёкшегося зелёного стекла.

Мальчики берут оплавленные обломки и смотрят сквозь них на солнце. Стекла искрятся, переливаются изумрудными

красками. Чудесное зрелище, такое не забывается никогда!

Разбойника поймали

С середины лета что-то изменилось в размеренной жизни села. Причину Митя уяснил себе только из разговоров мужиков, которые те вели по вечерам, сидя на лавочках возле изб. Они толковали о появившихся в округе «лесовиках», об убийстве в соседнем уезде исправника и поджоге волостного управления. «Смута!» – многозначительно вздыхали мужики.

Однажды на дороге, пролегающей через деревню, показалась воинская команда. Впереди ехали верхами четыре офицера в белых фуражках. За ними пылила по дороге пехота. Над колонной колыхалась сеть штыков. У колодца-журавля служивые остановились. Солдаты, сняв ранцы и составив ружья в козлы, черпали воду бадьей и жадно пили.

– Далече ли поспешаете, родимые? – любопытствовали бабы, угощая солдат съестным.

– То батальонному ведомо. У него приказ, а мы – подневольные, – отвечали служивые, заигрывая с крестьянками.

– Отстань, у меня муж есть! – сердилась статная молодка, отводя руки не в меру озорного унтера.

– А я тебя, любезная, не съем, – шутил ухажёр. – У нашего майора бумага имеется, в которой сказано: всякий должен оказывать содействие воинской команде, а супротив ничего не чинить. Царский указ не исполняешь?

– Чего болтаешь-то? – растерялась баба. Её выручил дед Никодим, пригрозивший унтеру клюкой.

Мария Дмитриевна пригласила господ офицеров отобедать. Они ели и похвалили кулинарные способности хозяйки. За столом рассказали, что рота укрощала мятежную волость, а сейчас марширует в Тобольск на пополнение городского полка. Вскоре призывно запел рожок. Солдаты двинулась из села. Следом бежали мальчишки.

После ухода гостей Мария Дмитриевна сказала мужу:

– Всё это тягостно, Ваня! Слава Богу, что в нашем селе спокойно.

– Уверен, нас беда обойдёт стороной, – ответил Иван Павлович. – Хотя в губернии среди крестьян зреет недовольство. Министр государственных имуществ, граф Киселёв отдал распоряжения о посадке в деревнях картофеля. Идея хорошая, но в волостях стали сажать, не зная правил агрономии. Отсюда – неурожаи и как следствие – «картофельные бунты».

Последнее крупное восстание крестьян в Омской губернии было в 1842 году, – продолжил Иван Павлович. – Тогда возникли слухи, что казённых, приписных крестьян переводят в крепостные. Мужики в Курганской волости напали на волостное правление, били старост, требовали показать им «царский указ» об освобождении и наделении земель.

25 апреля примерно две тысячи повстанцев окружили

Далматовский Успенский мужской монастырь. Вожаки бунтарей кричали, что монахи скрыли государев манифест об отмене крепостного права. Готовился штурм стен монастыря.

Иеромонах Николай Затиев, руководивший обороной, велел зарядить пушки и ружья, которые хранились по повелению императрица Екатерины Второй после подавления пугачёвского восстания. Монахи дали два пушечных залпа. Вместо картечи употребили сухой горох и стреляли по ногам. Повстанцы отступили и расположились лагерем возле монастыря.

На следующий день в Далматово пришёл отряд полиции во главе с исправником, ещё войска подтянулись. Зачинщиков восстания судили, рядовых участников отпустили по домам...

Иван Павлович прекратил свой рассказ. Он не хотел больше волновать жену и промолчал, что выступления крестьян против властей продолжались ещё год в Пермской, Оренбургской, Омской губерниях. Остатки отрядов бунтовщиков скрылись в тайге. Сейчас, по слухам, в лесах близ Тобольска объявилась одна такая ватага.

Из разговора родителей Митя, находившийся в соседней комнате, понял: неподалеку от села бродит шайка разбойников! Он отыскал в саду Пашу, который лакомился в малиннике, и сообщил встревожившую его новость. К Митиному удивлению, брат ответил, что тревожиться им не надо. У ба-

тюшки есть охотничьи ружья, двор караулят собаки, а у амбаров ночью дежурит сторож Игнат и стучит в колотушку.

Митя был разочарован. Он пошёл к Петьке Шишову и, взяв с него клятву молчать, поведал о лесных разбойниках.

– Правда ли это? – усомнился приятель. – Во всяком случае: не волнуйся. Они бедных не грабят. Что с нищих возьмешь? А шайка, может быть, и есть. Не зря по деревне солдаты прошли...

После встречи с Петькой Митино беспокойство возросло. Он с опаской ходил теперь в окрестный лес. Но ничего особенного не происходило, и мальчик постепенно успокоился. Однако вскоре вновь был встревожен.

Находясь дома, Митя слышал крики и гам, доносившиеся от амбаров. Он выскочил на улицу и пошагал в сторону складов по раскатанной телегами дороге. Идти было скользко. После дождей глинистая почва раскисла и в колдобинах скопилась коричневая вода.

Вот и заводской двор, что неподалеку от яра. Здесь, возле амбаров, где хранили привозную глину и готовую посуду, обычно собирался сельский сход. Сейчас тут гудела толпа: братья Сергей и Евдоким Шишovy, Сергей Маршанов, приказчик Епифан Игнатов, дед Никодим, менделеевская прислуга... Прибежали сельские ребята и таращили глаза на происходящее.

А посмотреть было на что! Посреди двора стояли грузный плечистый кучер Ларион и длинный жилистый сторож Иг-

нат, держа за локти приземистого смуглого человека.

– Чего вцепились, ироды? – возмутился незнакомец.

– А ты, черт, не рыпайся, – увещевал его Игнат, – всыплют ума в задние ворота: не будешь красть...

«Вот какие они – воры!» – мелькнуло в Митиной голове. Он догадался, что перед ним настоящий разбойник. К радости узнавания примешивалось и сомнение: озадачивала внешность лесного татя. В представлении мальчика разбойник должен быть высоким сильным облачённым в бархатный, пусть порванный, кафтан и атласные шаровары. На голове у злодеев – высокие бараньи шапки, за поясами – пистолеты и кривые сабли... Наверно, этот хитрит, переделся в крестьянина, даже бродягу. Славно, что его сцапали: вдруг поджѐг бы завод? На месте Лариона и Игната Митя стукнул бы вора разок по шее, чтобы вѐл себя смирно.

– В чем дело, Ларя? – раздался спокойный голос Марии Дмитриевны, которая только что вернулась из поездки на песчаный карьер.

Кучер замешкался с ответом, и она обратилась к незнакомцу:

– Полно бычиться, любезный. Кто ты? Повинись, если виноват.

Расхристанный, помятый мужик воспрянул духом и прохрипел какое-то ругательство.

– Язык у тебя остѐр, – повысила тон Менделеева, – но мы и не таких урезонивали. Ларя, что он натворил?

Силач-кучер был в риторике слаб, и его выручил Игнат:

– Бродяга сей, матушка, возле амбаров крутился. Я его схватил, вырывается: крепок мошенник. Однако подоспел Ларион, и мы злодея одолели. Не из поджигателей ли будет?

– Дурак ты! – вскинулся пойманный. – Посудину бросаю я искал, в пути пить. Сторож заорал, я и побежал, да ослаб с голода: догнали. Я – охотник с Тавды. Меня там всякий знает. К брату в гости, в Заольховку ездил. А на постоялом дворе меня обобрали хмельного. Порты лишь оставили. Спасибо, люди добрые одежду дали. Теперь домой добираться: где копейку заработаю, где милостыню попрошу...

– Ворон голубем прикидывается, – воскликнул приказчик Епифан Игнатов.

– Может, и правду говорит? – засомневался Сергей Маршанов.

– Врёт, а вы уши развесили, – стоял на своём приказчик. – Похоже, из беглых он. Помещицы Беспаловой человек, а вернее, – из нефёдьевских...

– Сам врешь, – возразил незнакомец. – Не ровён час – пожалеешь...

– Шумишь, Аника-воин, а, видно, не замышлял дурного, – вмешалась Мария Дмитриевна. – Проводи его, Ларя, на кухню. Пусть покормят. И отпустите на все четыре стороны. Согласны, люди?

Из толпы отозвались:

– Пусть идёт своей дорогой.

Мужика освободили, он размял затёкшие руки и, не без лукавства напомнил кучеру: дескать, веди на кухню, коли велено! Ларион неохотно стронулся с места. Народ расходился. Митя отправился домой.

«Правильно ли поступила маменька, распорядившись отпустить незнакомца?» – размышлял он дорогой. – Похоже, и правда, – не злодей. Грех обидеть зря. Славно, что чужака не сдали полиции и покормили. Маменька добра, постоянно печётся о семье, прислуге, мастеровых, но при необходимости строга, в корнильевскую породу...»

День на исходе

После ужина Паша занялся чтением, а Митя отправился прогуляться. Он заглянул во двор к Шишовым, рассчитывая поболтать с Петькой. Там ему сказали, что мужики ещё не вернулись из леса, куда поехали за дровами. Ганьки Мальцева тоже дома не оказалось. Он с приятелями пошёл за Ловдушкину дорогу собирать морошку.

– А может, они к самой Почекуниной отправились? Будто у своей деревни ягод нет, – ворчала Ганькина мать, сидевшая за прялкой. – Пожалуюсь батьке, будет знать, как допоздна по лесу шастать... – женщина с ожесточением закрутила колесо прялки.

Митя послушался у амбаров. Там было пустынно, только Игнат временами выглядывал из сторожки. Смеркалось. Мальчику вспомнился бродяга, пойманный на этом месте. Мите сделалось жутковато. Он повернул обратно...

Дома было светло и уютно. Паша уже лежал в постели и листал ершовского «Конька-горбунка».

– Охота тебе сказочки читать? – укорил брата Митя, – лучше бы роман англичанина Вальтера Скотта.

– В здешней нашей библиотеке есть только «Роб Рой», я его прочёл, – ответил Паша. – А поэма Ершова такая складная, и к тому же он – земляк, бывает у нас в доме.

Вошёл Иван Павлович: посмотреть спят ли мальчики.

– Папа, хочу у тебя узнать кое-что... – обратился к нему Митя. – Ты помнишь человека, которого задержали тогда возле склада? Кто он?

– Вот ты о чём! – удивился отец. – Мужик это был, обворованный на постоялом дворе. Крестьянин или охотник. Думаю, он не соврал.

– А вдруг мы отпустили разбойника? – зловещим тоном произнёс Митя. – И он причинит людям зло. Говорят, в наших лесах скрываются грабители-бунтовщики. Верно, Паша?

Брат не ответил: он спал, и Митя, понизив голос, продолжил беседу.

– Скорее всего, в нашем лесу такой шайки нет. Но ведь преступники существуют. А кто сидит в тобольском остроге? – спросил он, вспомнив высокий забор городской тюрьмы.

– Всякие люди туда посажены... – задумчиво ответил Иван Павлович. – Воры, убийцы, мошенники, ну, и бунтовщики. Помещики бывают иногда жестоки, несправедливы: в таких случаях терпение крепостных крестьян истощается. Происходит нападение на усадьбу барина. И полыхает господский дом! За бунтом следует наказание его участников. В селе появляются полицейские и солдаты. Мужиков порют, зачинщиков везут в тюрьму. И не всегда разберешься, кто прав в случившемся, кто не прав... Спи!

Иван Павлович сидел на краю постели, поседевшая голо-

ва четко вырисовывалась на фоне окна. Мите нравились его рассудительность и доброта. Он любил своего шестидесятилетнего отца, за плечами которого была нелегкая жизнь, полная обретений и потерь, радостей и горестей.

Отец

Иван Павлович Менделеев родился 18 февраля 1783 года в селе Тихомандрицы Вышневолоцкого уезда Тверской губернии, в семье священника Павла Максимовича Соколова, человека образованного и уважаемого. Неподалеку, на берегу озера Удомля, находилось село Гарусово – имение небогатых помещиков Аракчеевых. Соколов учил русскому языку и арифметике сына владельцев этого села юного Алешу Аракчеева, которому было суждено стать выдающимся государственным и военным деятелем.

Павел Максимович имел четырех сыновей: Василия Покровского, Ивана Менделеева, Тимофея Соколова и Александра Тихомандрицкого. Свои фамилии юноши получили, учаь в Тверской семинарии. В семье Митя слышал такой рассказ о происхождении отцовской фамилии. По традиции семинаристу надо было присвоить новую фамилию. Но какую? Ваня Соколов что-то обменял, вероятно, «бабки» – игральные кости, то есть «меню сделал». А ещё на слуху была фамилия помещика Менделеева, жившего неподалеку от Тихомандрицы, который часто менял лошадей. В результате её и получил в юности отец будущего великого химика.

Помещики Менделеевы принадлежали к старинному дворянскому роду, восходящему к середине XVII века. Их надгробия сохранились на кладбище села Островно, располо-

женного в шести километрах от села Тихомандрицы. Тверской краевед Дмитрий Подушков пишет, что помещик Менделеев мог быть крёстным отцом Вани Соколова. Однако это пока лишь предположение. Как и разные объяснения происхождения этой русской дворянской фамилии.

Иван Менделеев успешно окончил семинарию в Твери и Главный педагогический институт в Петербурге. В 1807 году его послали старшим преподавателем в Тобольск, в народное училище которое через три года преобразовали в мужскую гимназию.

Благодаря своим способностям и внутренней культуре Иван Менделеев завоевал уважение начальства и коллег. В городе он стремился общаться с просвещенными незаурядными людьми, к которым принадлежали потомственные купцы Корнильевы. Менделеев стал часто бывать в их гостеприимном доме, где влюбился в дочь Дмитрия Васильевича Корнильева – Марию.

«По письмам и рассказам видно, что Марья Дмитриевна была натура горячая, страстная в привязанностях и энергичная в деле, – пишет Надежда Яковлевна Капустина-Губкина, племянница Д. И. Менделеева. Иван Павлович, по её словам, «был необыкновенно добрый, деликатный и мягкий человек». В 1809 году он сделал купеческой дочери брачное предложение и та согласилась выйти за него замуж. Обвенчались влюбленные в Богоявленской церкви. После свадьбы молодожёны поселилась в казённой квартире при гимназии.

Иван Павлович преподавал словесность, логику, искусствоведение, философию и латинский язык. Он совершенствовал образовательный процесс, заботился об обеспечении гимназистов учебниками и пособиями.

В 1818 году за достигнутые успехи его повысили в должности: перевели в Тамбов директором народных училищ. Супруги поехали туда с больным Дмитрием Васильевичем Корнильевым, малыми детьми и старой няней Парасковьей Фарафоновой.

С 1823 года Менделеев – директор гимназии в Саратове. В свободное время он занимался переводческой деятельностью, за которую был избран в члены-корреспонденты Вольного общества любителей русской словесности. В Саратове семья пережила большое горе: от скоротечной чахотки скончалась четырнадцатилетняя Маша, старшая из дочерей.

Марию Дмитриевну утомили переезды: начальство намеревалось отправить Ивана Павловича в Пензу. А она мечтала о возвращении семьи в родные места, в Тобольск. В 1828 году её желание сбылось. Ивана Павловича, во многом благодаря хлопотам и связям супруги, вернули в Тобольск – на должность директора гимназии и народных училищ губернии. У него появились возможности полнее проявить свои педагогические и организаторские способности.

Семейные радости и тревоги

Зимой 1834 года у супругов Менделеевых на свет появился мальчик, которого назвали Дмитрием. Ему было суждено стать последним, семнадцатым, и самым талантливым в семье ребёнком, в будущем – учёным с мировым именем.

В метрической книге Богоявленской церкви по этому случаю было записано, что у Тобольской гимназии директора, надворного советника Ивана Павлова Менделеева от законной его жены Марии Дмитриевой сын Дмитрий родился 27, а крещен 30 января. Восприемниками были: исправляющий должность начальника VII округа жандармский полковник и кавалер Александр Петров Маслов; коллежская асессорша Мария Александрова Жилина; тобольский 1-й гильдии купец, коммерции советник Николай Стефанов Пиленков; Ялutorовского города 3-й гильдии купца Ивана Петрова Медведева жена Ольга Иванова...

Родители младенца – уважаемые в городе люди – соответственно пригласили в крёстные авторитетных людей. Александр Петрович Маслов имел в Тобольске репутацию влиятельного и справедливого блюстителя закона. В обязанности полковника входило не только наблюдение за поведением политических ссыльных, но и местной администрации. На этой почве Маслов порой конфликтовал с тобольским полицмейстером и с генерал-губернатором Западной Сиби-

ри И. А. Вельяминовым. В частности, при его содействии декабрист А. М. Муравьев отправил в III Отделение императорской канцелярии записку «О злоупотреблениях в Тобольской губернии».

Восприемница Мария Александровна Жилина являлась давней подругой Марии Дмитриевны Менделеевой. Николай Степанович Пиленков был не только купцом-миллионером, меценатом, но и благодетелем: он помог вырасти и получить высшее образование своим племянникам Петру и Николаю Ершовым. Первый из них – Павел Петрович – стал замечательным русским писателем, автором литературной сказки «Конёк-горбунок» и известным педагогом. Он был близким другом семьи Менделеевых.

В роли второй восприемницы выступила Ольга Ивановна Медведева, в девичестве – Менделеева, сестра новорожденного.

Вот такие получились крестины! Однако в жизни вслед за счастьем нередко идёт горе. Через несколько месяцев после рождения Мити Иван Павлович потерял зрение и вынужден был уйти в отставку. Менделеевым пришлось освободить казённую квартиру. У них возникли трудности и с деньгами. Бывшему директору стали выплачивать пенсию 292 рубля в год, которой не хватало для приличного существования семьи даже при сокращении расходов.

Выйти из трудного положения помог родной брат Марии Дмитриевны – Василий Корнильев. Уехав из Тобольска

в центральную Россию, он окончил Московский университет и сделал успешную карьеру. Служил в Петербурге в департаменте министерства юстиции, потом в Астрахани и Сибири. Через несколько лет вернулся в Москву, где князя Трубецкие доверили ему управлять своим имуществом. Василий Дмитриевич разбогател, занимаясь «откупами». Одиннадцатилетнего сына сестры Ваню он взял к себе и отдал учиться в пансионе при Московском университете.

Марии Дмитриевне брат предложил переселиться с семьей в Аремзяны, где при стекольном заводе имелся господский двухэтажный деревянный дом. По доверенности, данной им сестре, та стала управлять его стекольным заводом, доход от которого поступал теперь Менделеевым. Сестра, не имея опыта, отважно взялась за неженское, по тем временам дело. Она теперь заботилась о производстве и сбыте стеклянной продукции, а также об обширной пашне, огородах, скотном и птичьем дворах. В этом большом хозяйстве трудились крепостные, а также приписанные к заводу крестьяне, которым Менделеева обеспечила постоянную плату. Физическим трудом занималась и сами Менделеевы. Каждый член семьи имел в доме свои обязанности, летом, в Аремзянах, родители и дети заготавливали сено, ходили в лес за грибами и ягодами.

Стекольный завод постепенно стал давать прибыль. Накопились деньги и на поездку в Москву: на глазную операцию главы семейства. В путь Иван Павлович отправился

в 1837 году в сопровождении дочери Елизаветы. Поселились они у Василия Дмитриевича Корнильева, женатого на племяннице декабриста Павла Ивановича Пестеля – Надежде Осиповне Биллингс.

В гостеприимном доме Корнильева у Покровских ворот бывали литераторы Евгений Баратынский, Федор Глинка художник Павел Федотов, историк Иван Снегирёв. Хозяин этого своеобразного салона дружил с Сергеем Львовичем Пушкиным и в 1826 году принимал у себя его знаменитого сына.

– Я однажды встретил у него Николая Васильевича Гоголя, – вспомнил Иван Павлович.

– Неужели? Когда? – удивились Паша и Митя.

– Наш отец видел Гоголя, когда с Лизой ездил в Москву к известному офтальмологу Петру Федоровичу Броссе, – пояснила Мария Дмитриевна. – Профессор сделал удачную операцию, и папа вновь стал видеть! Увы, когда он вернулся в Тобольск, на должность – директора гимназии – его не назначили, возможно, наказав тем самым за общение и дружбу с политическими ссыльными. Ему пришлось работать корректором в местной типографии городской управы. Ещё он, как вы знаете, помогает мне в покупке сырья для стекольного завода и сбыте готовой продукции.

Митя запомнил, что с его отцом тогда поступили несправедливо. Обида долго не забывалась, тревожила душу. Вот и этот вечер мальчику не спалось. Он встал с постели и закрыл створку окна. Нырнув обратно под одеяло, постарался

думать только о завтрашней поездке из деревни в город. Ему грезились желанный Тобольск, знакомый старый сад за менделеевским домом на Большой Болотной улице.

Сад был пуст, ни души... Неожиданно из лопухов, выросших у забора, высунулась озорная рожа дружка Фешки Кожевникова. Сорванец лукаво подмигнул и взмахнул рукой: в воздухе взметнулась веревка, к концу которой была привязана крыса. Пасть, усаженная белыми острыми зубами, мелькнула перед Митиным носом. Спящий проснулся... Комнату освещала луна. За окном монотонно стрекотали кузнечики. Ночная бабочка сидела на подушке, на крыльях белело по три пятнышка. Осторожно взяв, Митя выпустил её в форточку.

Лес

Фешка, идя из деревни Чукманка, через болото пробирался на хутор. Вода промочила лапти и онучи. Порой она добиралась до колен, но выше ноги остались сухими. «Нынче и на этом болоте не глубоко. Жара воду выпарила, а то брёл бы в ней по пояс...», – подумал парнишка, который двигался вперёд, привычно нащупывая брод палкой. Окрестный лес его не страшил: почти каждую осень он, вместе с отцом, тобольским кузнецом Северьяном Кожевниковым, собирали здесь клюкву. С ними ходил по ягоды здешний крестьянин Серафим, крёстный Фешки.

Сегодня спозаранку Северьян разбудил спавшего на полотах сына:

– Вставай, Феоктист! Поедешь утром в Чукманку, а оттуда пойдёшь в лес к Тарасу Федоровичу Галкину (*вымышленный, обобщенный персонаж повести – А.Н.*).

Лучшего дела отец придумать не мог! Путешествие на займище приятно нарушало привычное течение городской жизни. Тарасом Федоровичем звали пожилого коренастого человека по фамилии Галкин. Он был одним из тех «лесовиков», о которых шептались обыватели, имея о них страшное и преувеличенное представление. В действительности, Тарас Галкин собрал вокруг себя всего десяток-другой беглых крепостных, которые выбрали его своим предво-

дителем. Сам он называл себя казаком и говорил, что его предок пришёл в этот край с дружиной легендарного Ермака.

– Дорожка тобой уже протоптанная, – говорил Северьян, напутствуя сына перед дорогой. – До Чукманки подвезёт свояк. У него обоз в ту сторону идёт. В деревне ступай к крёстному – Серафиму, отдохнёшь, поешь. Вместе с ним переправишься через болото. От проводника не отбивайся, иди след в след. Понял? А как брод кончится, вас на бережку встретят и спросят: «Нет ли хлеба с салом?» Отвечай: «Съели, только корочка осталась». Дальше всё будет ладно: о тебе позаботятся. А Серафим пусть к себе в деревню ворочается.

Отец проводил Фешку до базарной площади. На её краю стоял обоз с гончарным товаром, готовый отправиться в путь. Кузнец перетолковал с возницей и посадил сына в телегу. Подводы тронулись. Северьян крикнул вслед:

– Счастливо, сынок! Ждать буду!

Затарактели колеса по дощатой мостовой, потом пылили по тракту, убежавшему на восток от города. Вот справа от дороги и деревня Чукманка! Здесь, попрощавшись с молчаливым возчиком, парнишка направился к крёстному.

Серафим сидел во дворе на толстой чурке и дробными ударами молотка утончал лезвие косы. Увидев гостя, он прекратил работу и повёл Фешку в избу. Его жена Марфа покормила юного гостя щами и овсяным киселём, налила кружку молока. Хозяин, потягивая чай с блюдечка, расспрашивал о городской жизни и, между прочим, полюбопытствовал:

– Провожать тебя, Феоктист, через болото или сам пойдешь? Наши деревенские там нынче запросто бегают: воды-то мало...

– Зря одного пускаешь, – проворчала Марфа. – Случись что, не оправдаешься...

– Что может случиться? – спросил Серафим – Он брод знает. Верно, парень?

– Ага! – кивнул тот.

– Весь в отца! – довольно воскликнул крёстный и продолжил, – мне пойти – раз плюнуть, хоть до самого займища. Но косить пора: трава перестоялась. С версту провожу тебя, до покоса... От заломленной осинки болото начнётся. Держи путь на высокую сосну. Прихвати палку и нащупывай брод...

Они вместе дошли до ручья, на берегу которого собирався косить Серафим, и простились. Впереди расстилалось болото. Справа оно переходило в озеро, а слева вздымался лес. На мшистых кочках грела бока розовая, копившая сок клюква. Там и тут росли крупные подберёзовики. Из травы выпорхнула тетёрка, метнулась в сторону и припала к земле. «От гнезда уводит», – догадался Фешка, но не стал искать птичий домик: торопился. Он прыгал с кочки на кочку, брёл по мягкому мху, уже не ступая по холодной воде.

Покрупнел сосняк. По краю бора у подножия деревьев кустилась черника. Большинство ягод осыпалось, но Фешка насобирав две-три пригоршни, метнул в рот. Вверху, в про свете между соснами, распластав крылья, парила хищная

птица, похоже – беркут. У опрокинутой бурей ели мальчишка остановился, засвистел в два пальца. Не отозвались. Тогда повторил изо всех сил.

– Оглушишь, соловей-разбойник! – раздался ехидный голос.

Из ельника выбрался низкорослый мужик с клинообразной бородкой. Был он без шапки, в поношенном армяке. За кушаком торчал топор. Растерявшийся поначалу Фешка перешёл в наступление:

– Чего пугаешь, лешак?

– Не бойся, не обижу, – успокоил незнакомец. – Нет ли хлебца? А может, и сало завалилось? С утра маковой росинки во рту не было.

Мужик хитро щурился. У сына кузнеца отлегло от сердца:

– Хлеб я съел. Только корка осталась.

– Давай сюда, – потребовал мужик, потом продолжил уже миролюбиво. – А ведь я тебя сразу признал. Ты приходил на заимку с Северьяном. Только имечко твоё запомнил...

– Феоктист я, кличут коротко – Фешей.

Они долго шли сквозь чащу чуть приметной тропой. Наконец упёрлись в высокий частокол, и Спиридон, так звали провожатого, постучал в дубовую калитку. Отворил её хромой сторож, придержал собаку. Путники вступили на широкий двор, посреди которого стояла пятистенка. За ней – конюшня, хлев, банька. Рядом две оседланные лошади подбирали с земли накошенную траву. На верхней ступеньке

крыльца, сидя, спал молодой мужик в красной выгоревшей на солнце рубахе. Возле него лежали уздечка, шило, иголка и моток дратвы. Видимо, перед тем, как уснуть, он шорничал. В его ногах парня свернулся в клубок лохматый песик.

Спиридон и Фешка поднялись на крыльцо, щенок затыкался, и спящий проснулся. Сделав вид, что бодрствовал, он с притворной строгостью спросил:

– Откуда шлёпаешь, Спиря? Что за паренёк с тобой?

– У брода его встретил. Кузнеца Северьяна сынок. К атаману можно?

– Валяйте. Там сейчас обедают. А я уже... – и мужик погладил живот.

– Караульный, а спишь, – съязвил Спиридон и через сени проследовал с Фешкой в горницу. Там за столом, накрытым белой холстиной, сидели пятеро. В красном углу мальчик увидел самого Галкина, плечистого человека средних лет, с властными чертами лица. На его правой щеке был шрам. Фешка угадал в нём атамана, хотя раньше видел только раз.

Молодица в нарядном сарафане внесла в горницу сковороду с рыбой. Соблазняюще запахло жареным.

– Удружила, Маланья Егоровна, вот и хариусов дождалась! – оживились за столом.

– Золото – баба! С такой хозяйкой не жизнь, а малина! – похвалил Галкин.

Он окинул застолье взглядом, и стало тихо. Воспользовавшись паузой, Спиридон напомнил:

– Тарас Федорович! Вот мальчика привёл, как приказали...

– Вижу, – отозвался атаман. – Подойдите ближе. Слышал о тебе. Отца твоего знаю. Какие вести?

Фешка взял со стола ножик, вспорол подкладку шапки и извлёк скрученную бумажку, которую дал предводителю. Он прочёл и помрачнел:

– Орлика нашего на базаре сцапали...

В горнице затихло, постукивали на стене ходики. Старший из мужиков, сивый и морщинистый, вздохнул:

– Все под Богом ходим. Предал кто-то Орлика...

– Умён ты, Петрович, – едко заметил Галкин. – Всё тебе ведомо. Может, и имечко предателя назовешь?

– Наступит час, и назову, – буркнул старик – А пока ни на кого грешить не буду. Дознаюсь – не пощажу!

– Валяй. Чем быстрее, тем лучше, – разрешил Тарас Федорович. – Спирия и малый, садитесь к столу. Ешь, паренёк, и сказывай, какая жизнь в городе.

– Обычная. Прислали из Омска драгун, – постепенно смелея, заговорил Фешка. – Одних в казарме кантонистов поселили, других по избам на постой развели. Арестантов из острога выводят под двойной охраной. Ночью по улицам гарнизонный караул ходит. Как солнышко сядет, люди ворота запирают, ставни тоже. Пристав кобеля купил больше телёнка. На Петропавловской улице, сказывают, купец умер с перепугу. Ему померещилось: тать ночью в окно лезет, а это черный котик был...

– Складно врѣшь – усмехнулся Тарас Федорович. – Любо слушать...

– Не вру! – обиделся Фешка. – Весь Тобольск о купце знает.

– Царствие ему небесное! Наверное, блинами объелся. Во сне сердечко и прихватило. Ешь, да ступай – отдохни. Егоровна, укажи ему, где спать.

Хозяйка отвела мальчишку на другую половину избы и постелила на широкой лавке. Укрывшись зипуном, он уснул.

На следующее утро Спиридон проводил Фешку до Чукманки. На большой дороге он остановил подводу, ехавшую в Тобольск. Договорившись с возницей, лесовик подался в обратный путь.

...Фешка возвращался в Тобольск, а на займище текла своя жизнь. Известие о поимке Орлика принудило отряд к действию. Галкин послал в город верного человека для встречи с Кожевниковым.

А на займке к вечеру появился невысокий мужик цыганистого вида. Войдя в атаманскую избу, он бойко всех поприветствовал:

– Тарас Федоровичу и честной компании! Растолстели, медведи, от безделья!

– Шутишь, Анисим? – с укоризной откликнулся Галкин. – А у нас лихо: в Тобольске Орлика схватили. Рады хоть тебя видеть целёхоньким. Слышал, сдали растяпу в Аремзянском

приставу, и сидишь ты в холодной...

– Залетел по-глупому, – вздохнул Анисим. – Еле выкрутился. В холодной не сидел: управляющая отпустила меня с миром.

– Свет не без добрых людей, правда, и злых хватает, – сказал атаман. – Кто-то сдал Орлика. Жаль его и за остальных тревожно...

– Орлик – крепкий орешек, – уверенно сказал Анисим. – Им его не расколоть. Однако надо уходить с заимки...

– Сам так мыслю, – согласился атаман. – Сменим стоянку. До сих пор не снялся потому, что ждал вести из других волостей. Да, видно, зря. Время поджигает...

Тарас Федорович вышел из горницы на крыльцо. Через двор направился к сеннику. Влез наверх по скрипучей лесенке и лёг, вдыхая аромат сохнувшей травы, задумался. Ему вспомнился родной посёлок Игрим на берегу Сосьвы. Там он лет до двадцати жил в родной семье, промышлял охотой вместе с отцом.

А потом по навету местного старосты Федор Галкин был посажен в Берёзове в тюрьму. Его осудили за оскорбление властей и заключили в Тобольский острог. Через год отец умер в неволе, а сын застрелил старосту и подался в тайгу. Тараса поймали и сдали в солдаты: из полка он исчез.

Потом Тарас Галкин участвовал в побеге с Ялуторовского винокуренного завода, где работали каторжные. Он чистил там квашни от остатков бурды. Рядом с ним горбатился по-

дольский гайдамак Устим Кармалюк. Смелым был этот Кармалюк. Они вместе замыслили бежать, подговорив двух других узников. Подпилили в камере оконную решётку, сплели из рубах верёвку. Ночью спустились во двор, перелезли через забор и скрылись в лесу.

На воле Тарас собрал лихих людей и нападал с ними на приставов, бар и заводских управителей. В Западной Сибири начиналось тогда восстание. В степях поднялись казахи. Мятежники попытались захватить Акмолинск. В низовьях Оби храбрый Ваули Пиеттомин возглавил вагулов, отказавшихся платить чрезмерный ясак, и подступил к самому Обдорску... Бунт то затихал, то разгорался.

...Вечером Тарас Федорович позвал помощников. Когда те явились, приказал:

– Завтра, Петрович, с утра поднимай конных! Пойдёте, вроде, передовой заставы. Дозорных вышли. А я с остальными людьми двинусь следом. Поселимся на новой заимке, в Брысинском лесу, за болотом. Там на бугре сохранились старые охотничьи землянки. Поправим их и перезимуем. Коли и там нас отыщут, уйдем в Полуяновский бор или дальше – за Исеть.

А тебе, Анисим, наказ: утром ступай к большаку. Пощиплешь бар или купчишек... Шум подними. Пускай думают, что весь отряд озорует на большаке. Да и деньги нам нужны. Крестьянам за харчи платить надо, иначе озлобим их. И на покупку пороха деньги требуются. Возьми с собой

трех-четырёх надежных дружков. После отдыха отпущу вас на Иркутский тракт, и сам пойду. Потешимся!

На следующий день, на зорьке, с заимки вышли Анисим и ещё трое. Все с ружьями, за поясами – топоры, на спинах – котомки. За ними увязалась игривая лайка. Раза два её пугнули: не отставала...

– Нехай, бежит! – махнул рукой Анисим.

В пути

Наступил день отъезда в Тобольск. После завтрака Мария Дмитриевна велела Паше и Мите надеть курточки. Вдруг поднимется ветер? А пыли и в затишье хватает. На случай дождя взяли зонты и плащи.

Багаж был уложен накануне. Однако утром братья вновь проверили содержимое чемоданов: не забыты ли рыболовные снасти, мешочки с «бабками» – гладкими игральными костями, гербарии и чучело бурундука, сделанное дедом Никодимом.

Суета, препирательства между мальчиками, прощание с собакой Стрелкой... Но вот подана неказистая, но прочная бричка. На козлах красуется Ларион. Он облачился в найденный в чулане ямщицкий кафтан, который мал и уже расползся по шву на широкой кучерской спине. Ларион натягивает вожжи, как бы сдерживая лошадей, хотя те ведут себя смиренно.

Проводить Менделеевых в город собралось десятка два мастеровых и слуг. По случаю воскресенья на мужиках – белые рубахи из тонкого холста, подпоясанные красными и синими кушаками. Двое или трое в чёрных картузах... Женщины надели разноцветные ситцевые платья и домотканые сарафаны. Мария Дмитриевна – в серой накидке и таком же капоре – вышла из дома, села в бричку, в которой её ждали

сыновья, и обратилась к мастерам:

– Извините меня: плату вам за месяц задолжала. Меня омские купцы подвели. Как получу с них долг, сразу рассчитаюсь.

– Не тревожься, матушка, – откликнулся Сергей Маршанов, – нас огороды, скотинка и охота прокормят. Счастливой дороги!

– Ты, Ларя, будешь в овраг съезжать – коней придержи, там спуск скользкий, – посоветовал Епифан Мальцев.

– Сам не маленький, помолчи... – буркнул кучер.

– Вот язва... Я ему от души, – заворчал Мальцев.

– Успокойтесь, – заметила Мария Дмитриевна. – Едем. Христос с вами!

Малиновый звон колокольчиков огласил округу. И вот уже мелькают спицы экипажа. Бричка нырнула в овраг, в логу свернула направо и вскоре показалась на противоположном склоне. Менделеевы обернулись: с горы им махали. Потом село скрылось за вековыми деревьями. Лес вздымался стеной по краям дороги и лишь временами расступался, освобождая место опушкам, полям ржи и овса. Он то подступал к дороге, то отбегал. Кедр, сосна, ель удивляли Митю своей мощью, высотой, хотя встречались и их зачахшие собратья, утратившие хвою или листву. «Отчего они такие? – беспокоила мысль. – Погибли от избытка влаги? Или здесь был пожар?»

Мерный бег лошадей, плавное покачивание брички, пей-

жаз однообразный, но полный неизъяснимого очарования... Люди встречались редко. Только возле Ровдушки путешественники увидели богомолков в чёрных платьях и платках. В руках у них посохи, за плечами – берестяные коробки.

Потом повстречался лесоруб, шествовавший рядом с повозкой, гружённой жердями. Езда стала привычной, убаюкивающей. Раза два общее оживление вызвали зайцы, убежавшие с дороги при появлении экипажа.

– Ату-ату, косо́й! – крикнули Паша и Митя.

Затем они успокоились и начали дремать. И каково было их изумление, когда впереди неожиданно, словно сказочное видение, возник кавалерийский разъезд. Картинно рысили кони, как влитые, плыли в седлах пятеро драгун.

– Стой! – пропел вахмистр, воздев руку в белой, испачканной грязью перчатке. Он натянул повод, и конь под ним присел на задние ноги. «Красив наездник!» – восхитился Митя. А вахмистр с казённой любезностью обратился к Марии Дмитриевне:

– Прошу прощения, сударыня. Не встретили ли в пути подозрительных лиц?

Мальчики смотрели на всадника с любопытством. Он был рослый, с бакенбардами и усами. На боку колыхалась сабля в поблескивающих ножнах.

– Ничего странного мы не видели, – спокойно ответила Мария Дмитриевна. – Надеюсь, можно ехать?

– Следуйте, – разрешил вахмистр и козырнул.

– Извините. Служба-с...

Драгуны удалились рысью, оставив облако пыли.

– Трогай, Ларион, – распорядилась Менделеева, и бричка покатила.

Братья привстали, глядя на удалявшихся всадников. Затем возбужденно спросили:

– Кого они ищут?

– Успокойтесь. Я знаю столько же, сколько и вы.

Мать откинулась на спинку сиденья и замолчала.

Миновали ещё одну деревню. Ветер донёс от крестьянских дворов запах навоза и сена. На поле бабы жали серпами рожь, вязали снопы. Позади жниц высились золотистые копны. Поодаль виднелось гумно. Из его распахнутых дверей долетали звуки молотьбы.

За Ровдушкой потянулось редколесье, сменившееся чащей. Менделеевская бричка догнала громоздкий рыдван, который тащила четверка битюгов, запряжённых попарно цугом. На правой передней лошади ехал верхом юный фореитор, облачённый в малиновый суконный мундир с блестящими пуговицами и синие канифасовые панталоны. Рядом с возницей на козлах сидел мрачный слуга в черкеске и ружьём за плечами. К поясу был прикреплён кинжал.

Занавеска в окне кареты отодвинулась, и выглянуло лунообразное мужское лицо. Пассажир снисходительно поздоровался с Марией Дмитриевной.

Когда рыдван остался позади, Митя полюбопытствовал:

– Маменька, кому принадлежит эта колымага и кто этот толстяк?

– Сосед наш, помещик Нефёдьев Аристарх Григорьевич. Кажется, в Тобольск выбрался, – ответила мать, и по тону чувствовалось, что владелец рыдвана ей несимпатичен.

– Судя по всему, он – важный барин? – спросил Паша.

– Да, богат, а спесив ещё больше! – был ответ. – Его считают человеком ограниченным. Впрочем, обдирать своих крестьян у Нефёдьева ума хватает...

Мария Дмитриевна смолкла: позади, за поворотом дороги, раздались шум, треск упавшего дерева, крики. Грохнуло несколько выстрелов. Залилась яростным лаем собака. Мальчики встревожились. Менделеева перекрестилась и толкнула кучера:

– Вперёд! Быстрее!

Ларион взмахнул кнутом. Он и сам сообразил: что-то случилось. С четверть часа раздавался мерный стук копыт. Конни шли рысью, пока не утомились. Кучер их больше не попукал. Снова стал слышен стрекот кузнечиков.

Братья рассмеялись. Улыбалась и мать. Однако вскоре посерьёзнала и посоветовала прекратить смех.

– Вроде, были выстрелы? – прислушавшись, спросил Митя.

– Да, в лесу стреляли! – согласился брат. – Это охотники. Наверное, гончие собаки настигли волка. Как бы я хотел участвовать в облаве!

Мария Дмитриевна велела кучеру:

– Погоняй лошадей. Они отдохнули.

Бричка поехала быстрее. ...А в придорожном лесу пели птицы. Глухо постукивал дятел. Юркая белка сноровисто цепляясь лапками за ствол кедра, соскользнула на землю, обняла шишку и стала лущить. Внезапно зверёк наострил уши и взметнулся на нижнюю ветку дерева. Там белка застыла на миг, вскарабкалась выше и исчезла в густой хвое.

Тревога зверька не была беспричинной. По лесной тропе прочь от большой дороги ехали верхами на лошадях-тяжеловозах, захваченных на дороге, четверо мужиков. На голове переднего белела повязка. Всадник временами хлестал упрявившегося коня хворостиной. Двигались, молча и спешно. Наконец один из конных окликнул главного:

– Передохнём, Анисим. От большака ушли...

Вожак спешил, привязал лошадь к дереву. Так же поступили и остальные. Возле тропы, на сухой прогалине, все сели, достали из торб хлеб, луковицы, вяленую рыбу. Поели, запивая водой из родничка.

– Что ж, братцы? Наказ атамана выполнили, – довольно произнёс Анисим. – Шум устроили. Деньгой и лошадьми разжились. Вот какой кошель у барина отобрал!

Он показал кожаный мешочек. Потом вздохнул:

– Зря ты, Спирия, слугу прикончил. Можно было бы выкуп взять. Душу, хотя и не православную, загубил...

– Он на меня пистолет нацелил, – оправдывался Спири-

дон.

– Не попал бы, – предположил один из мужиков. – Я – иное дело: не ударь, он бы меня кинжалом пропорол...

– Полно препираться: дело сделано – сказал Анисим, – отдохнём чуток и поедем.

Мужики легли в копну сена, смётанную на опушке, и уснули все, кроме жоака. А он перебирал в памяти происшедшее...

Лесовики сидели в придорожных кустах. Пропустили две крестьянские телеги. Потом показалась бричка, судя по виду, барская. В ней, кроме кучера, сидели два человека.

– Пальнём артельно иль как придётся? – спросил Спиридон.

Анисим всмотрелся:

– Погодь! Не та птица летит: это управляющая из Аремзян с сыновьями. Разве я свою благодетельницу трону? У них и денег не густо...

– Мы – не душегубы, – согласился один из лесовиков. – Грабим тех, у кого мошна туга. Да и с умом их встречать надо. Повалим вон ту сосну и на дорогу...

Бричка Менделеевых, между тем, миновала засаду. Когда она проехала, на большаке застучали топоры... Дерево упало и преградило путь подъехавшему помещичьему рыдвану. Нападавшие выстрелили и ранили телохранителя, который успел разрядить свой пистолет. Пуля задела голову Анисима.

Разбойники убили барина и сопротивлявшегося воору-

женного слугу. Форейтор в суматохе убежал, за ним не гнались. Кучера стукнули по голове, и он упал в канаву. Разбойники выпрягли лошадей и уехали на них в лес.

...Вечером к околице Чукманки прибрёл нефёдьевский форейтор и, хныча, рассказал старосте о нападении. Послали за исправником, который на следующее утро приехал в деревню в сопровождении стражников. Прихватив десятских, вооружённых двумя ружьями и дубинами, и взяв с собой форейтора, исправник двинул свою рать к месту происшествия. Слуга привёл всех к поваленной сосне, где лежал опрокинутый рыдван.

– Лошадей-то злодеи увели, – вздохнул десятский. – Лихой народ!

– Кто же оставит добрых коней? – откликнулся другой. – С понятием работали...

– Полно болтать, – крикнул исправник, велев осмотреть кусты.

Стражники для храбрости пальнули в чащу из ружей, полезли в придорожный кустарник и вытащили тела барина и охранника. Кучера, живого, но неспособного идти, отправили в Тобольск.

– Осторожно везите, – напутствовал исправник. – Он свидетель!

Здравствуй, город!

Менделеевский экипаж спускается в глубокий овраг, на дне которого змеится мелкая речка. Потом медленно преодолевает подъём. Ровнее становится дорога. Бричка катит теперь мимо вырубков, домов и огородов.

Каждый раз, приближаясь к Тобольску, Митя ощущал волнение. Отчего? Всё, казалось бы, знакомо. С горы отчетливо видны исхоженные им вдоль и поперёк улицы нижнего посада. Вон белое двухэтажное здание гимназии. За ней – церковь Михаила Архангела. Поблизости от неё родной дом. Вокруг него – море обывательских строений. Среди обычных изб выделяются каменные купеческие особняки с усадьбами.

А на холме, в верхнем городе, высятся Софийско-Успенский собор, бывший дворец наместника и дворец архиепископа. За оврагом, на краю холма памятник Ермаку, созданный скульптором Александром Брюлловым.

Бричка съезжает в нижний город по изогнутому Никольскому спуску. Ещё немного – и экипаж на Большой Болотной улице. Вот и дом Менделеевых, добротный, приглядный, на высоком кирпичном фундаменте. Фронтон, ставни, наличники украшены радующей глаз резьбой. Усадьба по сибирскому обычаю отгорожена от улицы высоким забором.

...Ларион слезает с козел, открывает калитку. Войдя

во двор, он вынимает засов и распахивает ворота. Бричка вкатывается внутрь. Паша и Митя оглядываются вокруг, словно впервые увидели и дом, и флигель, и конюшню с хлевом, и сад, просматривающийся в просвете между хлевом и погребом. Всё, как прежде, только чуть постарело и уменьшилось.

Совсем недавно сад – он же и огород – казался Мите бескрайним. Как вольготно было играть здесь в прятки, казаков-разбойников или индейцев... В дальнем углу сада дети строили из палок и ветвей – «вигвам». В нём обитал вождь ирокезов Орлиный Коготь. Лицо у старого воина было непроницаемое, жесты – уверенные и величественные, речь – неторопливая... Вождя обступали воины, которых изображали соседские мальчишки, размалевавшие лица охрой, в волосах – петушиные перья.

Митя, охотник-траппер, смело входил в вигвам и предлагал вождю выкурить с ним трубку мира. Орлиный Коготь соглашался или раздражался гневной тирадой:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.